

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ АСТРАХАНСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В ПЕРСИДСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В.О. Кулаков
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: Астрахань, Персия, губернаторы, внешняя политика, полномочия.

Key words: Astrakhan, Persia, governors, foreign policy, powers.

Пограничное положение астраханской губернии, образованной по указу Петра I в 1717 г. обуславливало предоставление руководителям региона, губернаторам, широких внешнеполитических полномочий. Персидский вопрос занимал важнейшее место в восточной политике Петра I, и, начиная с предпринятого им Персидского похода 1722–1723 гг., в обязанности астраханских губернаторов входило обеспечение и активное проведение на месте российской государственной политики в отношении Персии. Этот круг обязанностей был довольно обширным и связан в первую очередь с тем, что многие дела, вследствие своей срочности, требовали быстрого рассмотрения и принятия соответствующего решения. Тогда как направление их в столицу империи приводило бы к значительным временным задержкам из-за отдаленности региона от центра и отсутствия хорошо налаженного почтового сообщения. С другой стороны выполнение астраханским губернатором многих внешнеполитических функций, касающихся российско-персидских отношений, было обусловлено его широкой осведомленностью о складывающейся внутренней обстановке в Персии и обо всех происшествиях, которые там случались. Это подтверждают многочисленные указы и инструкции, дававшиеся из коллегии иностранных дел и коммерц-коллегии, российским консулам и вице-консулам, работавшим в Персии в XVIII в. Анализ этих документов показывает, что в круг полномочий астраханских губернаторов и главного органа управления, губернской канцелярии, входили совершенно разные функции, касающиеся российского присутствия в Персии.

В 1717 г. первым астраханским губернатором был назначен Артемий Волинский, который за два года до этого возглавлял важное дипломатическое посольство России в Персию. По итогам этой миссии был заключен трактат, впервые утверждавший на территории Персии российское консульство. В 8 статье этого трактата говорилось, что: «когда между жителями персидскими и российскими толмача потребно будет и оный по согласию обеих сторон за посредника принят да будет. И когда сторона российская некоторого человека определять будет для отправления оной компании в купеческих делах оному честное почтение чинено будет» [3, с. 87]. Консулом России в Исфахане был назначен Семен Аврамов и вице-консулом в Шемахе Алексей Баскаков. Но еще до определения Баскакова астраханскому губернатору Волинскому в своей инструкции 22 марта 1720 г. Петр приказал: «офицера выбрать, чтобы или туды или назад едучи сухим путем от Шемахи верно осмотрел пути, удобен ли? Также живучи в Шемахе, будто для торговых дел (как положено с персы) всего присматривать» [2, с. 209]. В соответствии с этим и в данной Баскакову специальной инструкции ему поручалось осмотреть пути от Терека до Шемахи и оттуда до Апшерона и Гиляна – удобны ли они для прохода войск и осведомиться о тамошнем состоянии. Вопрос этот представлял для русского правительства значительный интерес, так как война на Кавказе была в это время уже не за горами.

Начиная с этого времени, астраханские губернаторы были тесно связаны с деятельностью российских дипломатических представителей в Персии, координируя их работу с центральным правительством и во многом обеспечивая ее. Кстати грамоты о назначении Баскакова и его полномочиях были переданы Волынскому еще в октябре 1720 г., который уже являлся в это время астраханским губернатором, и позже, 21 декабря, он получил новые документы об Аврамове и Баскакове. Это говорит о том, что уже с самого начала Петр связывал дела российских консулов в Персии с местным астраханским руководством.

Одной из его функций было осуществление контроля над консульским судопроизводством по многочисленным спорным вопросам, возникающих между российскими гражданами в Персии, а в некоторых случаях и его самостоятельное ведение. Вопросы, связанные с осуществлением суда над россиянами в Персии были возложены на консулов, которые туда назначались, начиная с 1720 г. Задачи русских консулов в Персии помимо специальных политических целей сводились к изъятию споров между русскими и персидскими подданными из непосредственного ведения персидских властей, причём в основе их правомочий должны были лежать общепринятые в других государствах права консулов. Эти права и были сформулированы в данных Аврамову и Баскакову инструкции коммерц-коллегии. Относительно этих инструкций нужно заметить, что в виду, вероятно, ожидавшейся уже войны, Петр торопился с получением нужных ему сведений о Кавказе, и Баскаков отправлен был от канцелярии иностранных дел к своему посту даже без уведомления об этом коммерц-коллегии.

Во многих случаях российские консулы должны были координировать свою работу в судебной сфере с астраханскими губернаторами, часто предоставляя в их распоряжение рассмотрение тех или иных вопросов. Так согласно инструкции данной из государственной коммерц-коллегии определенному в Исфахан консулу Аврамову, последний был уполномочен высылать из Персии всех русских подданных, совершивших там преступление и под караулом отправлять их в Россию. Одной из причин таких действий консула могло служить то, что российский подданный совершит убийство над другим российским гражданином проживающим в Персии или исполняющим там царскую службу. В таком случае консул был обязан взять этого человека «под караул и в российское государство для указа к астраханскому губернатору отослать» [1, д. 10, л. 4]. Если же убийство будет совершено против персидского гражданина или другого иностранца то преступник подлежал местному суду. Подобные же инструкции получил и российский вице-консул в Шемахе Баскаков, который также должен был отправлять в Астрахань для дальнейшего судебного разбирательства российских людей, совершивших убийство своих сограждан в Персии.

Вторым случаем, когда в судебное разбирательство между российскими представителями в Персии вступал астраханский губернатор, являлись различные купеческие тяжбы. Так в соответствии с пунктом 6 инструкцией полученной консулом в Реште Семеном Араповым от генерала Василия Левашова в 1735 г. при случающихся ссорах между российскими купцами, если один из них другого оклеветает и будет в своем утверждении упорствовать, то при невозможности решить дело на месте консул должен был отправить участников процесса в Астрахань: «если кто из них скажет слово (противное) и сказатель при объявлении своем держаться будет, таковых к астраханскому губернатору под караул отсылать» [1, д. 7, л. 2]. Однако даже если представляется возможным решить указанное дело на месте, все равно консул должен был во всех подробностях сообщить о нем астраханскому губернатору: «Ежели кто сказав слово после объявит, что сказал его спьяну или напрасно, собрав лучших российских купцов человек до шести, его ответ при собрании письменно записать и его рукою подписать, и о том обо всем для ведома астраханскому губернатору писать и с записок точные копии посылать, а напрасносказателя при собрании российских купцов в своей квартире батожьем бить» [1, д. 7, л. 3]. При этом добавлялось, что при подобных следственных мероприятиях и наказаниях ни в коем случае не должны присутствовать персидские подданные.

Наконец не последнее место в судебных разбирательствах русских консулов в Персии занимали случаи разбоя и пиратства, совершаемого российскими подданными в прибрежной зоне Каспийского моря. И также как и в предыдущих ситуациях определенная доля ответственности за расследование таких преступлений и наказание виновных ложилась на астраханское руководство. Одно из таких событий произошло в 1736 г. и было зафиксировано в документах переписки консула Арапова с коллегией иностранных дел. Вследствие появления на Каспийском море разбойничьей шайки русских подданных и просьбы персидского правительства о содействии в их поимке летом 1736 г. из Астрахани были отправлены в море 3 гекбота под командованием майора Пазухина для их розыска и обезвреживания. Согласно данному ему приказанию Пазухин пришел со своими судами в Энзели и просил распоряжения относительно совместных с ним действий персидских военных властей по поимке разбойников. В результате проведенной операции 12 человек попали в руки шемахинского персидского начальника, 10 человек бежали в Астрахань и там были схвачены, остальные 10 удалось уйти. Тогда Арапов и Пазухин обратились к гилянскому правителю с требованием, чтобы он выдал захваченных персиянами воров для проведения над ними следствия и наказания. Но правитель ответил, что поскольку они пойманы шемахинским начальником и об этом донесено шаху, то без указа шаха они не могут быть выданы. Также правитель требовал смертной казни для них здесь на месте. Арапов же не имел на это соответствующих распоряжений. Он предлагал их наказать «батожем» и отослать в Астрахань, где их казнят. После чего просил у коллегии иностранных дел указаний, что делать если он получит шахский указ их ему отдать: казнить на месте или нет? Поскольку на тот момент у него был только ордер от генерал-аншефа Василия Левашова о том, что пойманных воров при персиянах жестоко бить «батожем», а после отослать их в Астрахань.

На что коллегия отвечала, что лучше отослать их в Астрахань для предварительного их допроса, розыска об их товарищах, очных ставок с последними и вообще для полного расследования этого дела, а затем уже учинения им казни: «Тебе надлежит по получении сего указа гилянскому командиру представить, что ты о тех ворах получил ея императорского величества указ о наказании, которым в Персии или в Астрахани за едино почитается. Только за лучшее признается, чтоб оных в Астрахань отослать для того, чтобы оными еще разыскивать и товарищей их, которые как в твоём доношении показано бежали в Астрахань. И как по слухам уже там переловлены» [1, д. 12, л. 6]. Если же эти доводы останутся без ответа и в отправке разбойников в Астрахань консулу будет отказано, а персидские власти будут настаивать на их суде и казни на месте, то ему было поручено по крайней мере стараться, чтобы для проведения казни разбойники были отданы ему, а не в руки персидского правосудия: «Если же твои представления у гилянского командира никакого успеха не возымеют и на отсылку тех воров в Астрахань не поступят, и будут стоять на том, чтоб те вору в Персии казнены будут, то надлежит тебе, по крайней мере, стараться, чтоб они для наказания тебе отданы были, а не персияне их наказывали и казнили» [1, д. 12, л. 8–9].

Следует отметить, что вопрос обеспечения безопасности торгового мореплавания и судоходства на Каспии оставался в ведении астраханских властей на протяжении всей первой половины XVIII в. Об этом свидетельствует переписка консула Бакунина с российским резидентом при шахском дворе Василием Братищевым в 40-е гг. XVIII в. Согласно ей консул извещал Братищева, что получил от астраханского губернатора Василия Татищева письма о направлении им военных команд для поимки и уничтожения разбойников на море: «я получил от тайного советника и астраханского губернатора Татищева письма, из которых дается знать о явившихся российских разбойниках на Каспийском море и что по его диспозиции посланы разные командиры для поимки и искоренения оных. Представляя дабы от моей стороны о тех ворах и о посланной за ними команде объявлено было персидским командирам, что я через мои письма к здешнему визирю и к Дербентскому беклер-беку, а также к Бакинскому управителю учинил» [1, д. 14, л. 7]. Т.е. губернатор Татищев помимо простого уведомления консула о направлении боевых кораблей на Каспий для борь-

бы с пиратством был также уполномочен потребовать от него добиться помощи в этом деле у местных персидских властей. Справедливости ради нужно отметить, что такую помощь последние практически не оказывали, и даже наоборот захваченные разбойники выпускались на свободу и принимались персидским правительством на службу для постройки и починки судов. При таком отношении к разбойникам со стороны персидского правительства разбои не прекращались. Россия высылала военные суда и команды для их поимки, но они укрывались в Персии. Все представления об этом русских консулов и резидентов оставались без внимания. Так в июле 1737 г. в Ширване персиянами было захвачено 12 воров. Арапов и резидент Иван Калушкин требовали их выдачи, но и на этот раз им было отказано, разбойники были уведены в Мазандаран. Также в мае 1739 г. еще одна партия воров была захвачена, но они отправлены в Мазандаран, где получали хорошее содержание и одежду [1, д. 14, л. 8].

Причиной подобных действий было желание персидского шаха Надира построить собственный флот на Каспийском море. Нужно заметить, что русское правительство стремилось не допустить здесь устройства персидского морского флота. Так в своем доношении в коллегию иностранных дел в ноябре 1744 г. консул Бакунии просил подтверждения на то, чтобы настойчиво добиваться у персидского двора прекращения всех попыток завести собственный флот, что по его словам противоречило российским интересам: «чтобы о заведении мореходных судов вовсе Персия оставила попечение и впредь никогда не начинала, поскольку то российским интересам всячески противно и тем приключит напрасный России убыток и заставит в предосторожность держать в Астрахани пропорциональный флот» [1, д. 29, л. 1–3]. В рассматриваемое время персияне имели на этом море лишь суда, годные для речного и берегового плавания, не умели в частности ни осмаливать ни конопатить судна. Поэтому они принимали всевозможные меры к тому, чтобы добыть из России кораблестроителей, матросов и судостроительные материалы. С этой целью в Мазандаран, где находилась персидская судостроительная верфь, охотно принимались на службу беглые русские морские разбойники и музуры (судовые рабочие) в расчете на то, что они сумеют построить морские суда. Хотя эти попытки не имели особого успеха, однако русское правительство принимало всевозможные меры к тому, чтобы не дать возможности персиянам завести свой флот, а Арапов зорко следил за всеми действиями Персии в этом направлении.

Так по его представлениям было строго запрещено купцам в Астрахани и русским судовщикам, отправлявшим суда в Персию, а особенно в Мазандаран, продавать персиянам суда, снасти и якоря к ним, парусные полотна, компасы, карты, а равно и судостроительные инструменты, а также отпускать музуров в наем к персиянам. А астраханскому губернатору приказано не отпускать в Персию людей искусных в судостроении и вообще не отпускать на отходящих туда купеческих судах излишних матросов, якорей, канатов, парусов и т.д. (указ Астраханскому губернатору из Сената 31 декабря 1743 г. по представлению Арапова). За соблюдением этих распоряжений следил Арапов.

Особенно в Мазандаране персидские управители пытались заполучить у русских судовщиков судов и снастей и сманивали музур, и во избежание побегов последних Арапов в 1737 г. прямо приказал всем бывшим там русским судам выйти из этого порта. А русским судам, приходящим в Персию, совершенно запретил ходить в Мазандаран, несмотря на то, что русские судовщики охотно посещали этот порт, так как подряжали там свои суда под перевозку персидских товаров – нефти, пшеницы, хлопчатой бумаги в Баку, Дербент, Гилян. Так как вместе с тем в Мазандаране было средоточие персидского судостроения, то это распоряжение Арапова было одобрено и правительством страны. И для контроля над судоходством в Каспийском море запрещено было под страхом смертной казни ездить русским судам в эту или какую либо другую персидскую пристань мимо Гиляна. И по указу астраханскому оберкоманданту бригадиру Юнгеру 7 ноября 1737 г. из Сената (по представлению Арапова) – судам из Астрахани велено ходить прямо в Гилян и являться всем Арапову

[1, д. 41, л. 9]. А если необходимо будет из Гиляна идти в Мазандаран, то спрашивать разрешения у Арапова.

В связи со сложившейся ситуацией астраханские власти должны были взять под свой контроль и вопрос комплектования судовых команд на купеческих кораблях, отходящих в Персию. Консул Арапов в своем доношении от 14 февраля 1744 г. в коллегию иностранных дел выражал просьбу отпускать на судах на работу астраханских жителей, у которых бы имелись дом, жена, дети, чтобы не было им соблазна уйти в Гилян для помощи персам в строительстве своих судов. Также консул просил повелеть из Астрахани не очень много судов отпускать, так как иногда обратной клади может не набраться в достаточном количестве и произойдет задержка с отправкой судна в Астрахань, и в таком случае кто-то из команды, находящийся в трудном материальном положении может согласиться на предложения персов и уйти. Поэтому Арапов предлагал, «чтобы ежегодно из Астрахани отпускать купеческих судов одно весной, и одно летом, а осенью 2 судна и на них весной товар русских купцов поместится и персидских купцов если место останется. И на тех судах отпускать в работу людей домовитых и семейных» [1, д. 14, л. 13–14]. Вообще, согласно еще одному доношению Арапова от 30 июля 1737 г. ситуация с набором команд для купеческих судов в Астрахани оставляла желать лучшего. Консул требовал не посылать приказчиками на судах армян, поскольку, по его словам: «они не только за музур в случае чего у персиян какое представительство чинить, но и сами о себе ни одного слова говорить не могут» [1, д. 14, л. 16]. В качестве подтверждения он приводит случай, когда от астраханского купца Самарского приказчик-армянин на судне галиоте прибыл и не только не умел писать, но и о себе сказать толком ничего не мог и лоцман и музуры его ни во что не ставили. Поэтому он настоятельно просил приказчиками назначать из Астрахани «русских, которые ума достаточного и умеющих писать, также и вина в продажу не посылать» [1, д. 14, л. 17].

В судебную юрисдикцию астраханских властей входило и решение вопросов, связанных со смертью того или иного подданного России в Персии. В случае возникновения подобной неприятной ситуации консул должен был согласовывать свои действия с астраханским губернатором. Подобные наставления получил в 1735 г. консул Арапов в данной ему инструкции от генерала Левашова, в которой говорилось, что консулу следует дать подробный отчет о произошедшем в Астрахань, а также направить туда имущество умершего, чтобы там его родственники смогли это имущество получить. Или же оно могло быть отправлено в другую российскую губернию, если умерший был оттуда: «Ежели случится кому из российских подданных в персидской области умереть, то надлежит вам собрать российских купцов лучших человек 5–6 и его пожитки описать и без удержания по прошению товарищам его или родственникам без утайки и ущерба отдавать. И кому что отдано будет о том писать к астраханскому губернатору. И хотя бы оный умерший и не астраханской губернии был однако прописывать вам к астраханскому губернатору именно какой он губернии был, дабы от астраханского губернатора дано было знать в ту губернию, которой умерший был» [2, с. 312]. Подобную же инструкцию получил через восемь лет другой русский консул Бакунин, которому в тех же словах предписывалось держать в курсе всех дел астраханского губернатора.

Немаловажной задачей в проведении российского политического курса в Персии, возложенной на астраханское руководство, было обеспечение почтового сообщения между консулом и столицей империи. По указу коммерц-коллегии к астраханскому губернатору Вольнскому он не должен был задерживать посланных консулом Аврамовым курьеров к российскому двору. Об этом сообщалось и самому консулу в 17 пункте инструкции из коммерц-коллегии: «Когда консул захочет нарочного посыльщика из Персии в коммерц-коллегию послать, тогда нужно ему надлежащий паспорт дать. А из коммерц-коллегии в Астраханскую губернию к губернатору указ послан, чтоб таких посланных курьеров отпускать не задерживая» [2, с. 148]. Консульская почта отправлялась в Петербург морем на следующих в Астрахань кораблях либо по суше. Согласно инструкции коллегии иностранных дел консулу Бакунину

1743 г. он должен отправлять своих нарочных сухим путем до Кизляра и от туда в Астрахань: «консул может с письмами своими о интересах и делах Ея императорского Величества к резиденту Братищеву или в нужном случае к астраханскому губернатору сухим путем до Кизляра нарочных посылать кого из своей свиты или нанимая скороходов тамошних» [2, с. 362]. Кроме того, астраханскому губернатору предписывалось рассмотреть и представить возможность учреждения верховой почты между Москвой и Астраханью для более быстрой доставки как консульских писем так и купеческих. Эти факты свидетельствуют о том, что российское руководство возлагало всю ответственность на бесперебойность доставки сведений из Персии на астраханские власти, которые должны были не только принимать почту от консулов, но и в максимально короткие сроки отправлять ее дальше в столицу.

Однако астраханские власти помимо налаживания нормального почтового сообщения между российскими представителями в Персии и Петербургом также имели право на самостоятельный сбор сведений о внутренней обстановке в Персии. Например, действующий в Персии консул должен был находиться в постоянной переписке с астраханским губернатором. Об этом, в частности, упоминал в своем «рассуждении на инструкцию генерала Левашова консулу Арапову» тайный советник князь Сергей Голицын: «в делах интересных должен консул с губернатором астраханским и прочими поверенными персонами, какие в близости персидских границ быть могут в корреспонденции быть» [1, д. 15, л. 3]. В свою очередь сам консул Арапов в своем доношении от 26 июля 1742 г. говорит о том, что он был обязан сообщать в Астрахань о каждом отправляющемся туда судне и о тех пассажирах, которые находились на его борту: «Указами мне повелено на всяком отходящем в Астрахань судне пассажиров принимать, данные им от гилянского командира паспорта, пересматривать и при себе в путь отправлять и о том в коллегии иностранных дел и в Астрахань сообщать» [1, д. 15, л. 5].

Еще более важные указания о сборе астраханским руководством разведывательной информации о состоянии персидских дел содержаться в инструкции консулу Бакунину, направленной из коллегии иностранных дел в 1743 г. В ней говорится, что консул должен был обо всех местных событиях разведывать и сразу писать о том астраханскому губернатору, причем для переписки с ним ему следует выработать особый секретный шифр. Согласно 20 пункту указанной инструкции «надлежит ему консулу с тамошними обывателями в знакомство входить и ласковое обхождение с ними иметь и искать тайно и под рукою о всяких тамошних состояниях и поведеньях достоверно разведывать. И что когда увидеть может к предосторожности российской стороне, о том без упущения времени как к астраханскому губернатору и кизлярскому коменданту, так и к резиденту Братищеву писать и в коллегии иностранных дел. И что притом секрету подлежать будет то ему все те места цифирью писать, а для корреспонденции с астраханским губернатором и кизлярским комендантом сочинить ему и употреблять особые цифирные азбуки» [1, д. 18, л. 12].

Более того, имеются сведения о том, что финансирование разведывательной деятельности русского консула в Персии осуществлялось через Астрахань. В указе коллегии иностранных дел Арапову от 20 сентября 1736 г. сообщается, что несмотря на то, что при дворе персидского шаха действует резидентом секретарь Калужкин, однако от консула также требовалось собирать сведения как о внутреннем состоянии в Персии так и о всех их намерениях. Указывалось относиться к делу «проведывания» с крайним прилежанием и старанием, посылая для этого куда необходимо верных и способных людей из местного населения. И далее говорилось, что на издержки к тому «проведыванию» и для посылки писем «велено астраханскому вице-губернатору переслать к тебе немедленно через вексель денег тысячу рублей, о получении которых и о расходе в государственную коллегии иностранных дел в свое время тебе рапортовать» [1, д. 32, л. 5 об.]. Этот факт свидетельствует о том, что, по мнению российского правительства как и предыдущие случаи вопрос с финансированием тех или иных мероприятий в Персии будет эффективнее решен с использованием астраханских возможностей и деньги до консула дойдут отсюда быстрее.

Таким образом, на основе проанализированных фактов можно прийти к выводу о том, что, для более эффективного осуществления различных мероприятий государственной политики России в Персии центральная власть делегировала обширные полномочия астраханским руководителям, справедливо полагая, что многие вопросы будет проще и быстрее решать на месте. Ключевое географическое положение Астрахани на персидском направлении обусловило это решение. Поэтому, уже начиная с первого губернатора Вольнского, астраханские власти напрямую были задействованы в обеспечении российских интересов в отношениях с Персией. Административно-политическая сфера их деятельности по персидским делам включала в себя несколько основных компонентов. Астрахань являлась связующим звеном в отношениях между российскими дипломатическими представителями в Персии и правительством России. Астраханские губернаторы координировали работу открытых в этой стране русских консульств. Вся важная информация, собираемая консулами и резидентами в Персии о внутреннем состоянии страны, стремлений и возможностей ее руководителей, отношении их к России, направлялась наряду со столицей и в Астрахань. Здесь она анализировалась, и после принимались соответствующие решения. На основе полученных данных астраханские губернаторы могли разрабатывать и вносить свои предложения по повышению эффективности тех или иных мероприятий, проводимых в Персии.

Библиографический список

1. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 77. – Оп. 1.
2. *Уляницкий, В. А.* Русские консульства за границей в XVIII в. / В. А. Уляницкий. – М. : Изд-во Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. – Ч. 1. – 560 с.
3. *Чулков, М. Д.* Историческое описание Российской Коммерции / М. Д. Чулков. – СПб. : Изд-во типографии Императорской Академии Наук. – 1781–1786. – Т. 2, ч. 3. – 620 с.